

ВИКТОР Ч. СТАСЕВИЧ

ТРАВНИК

Кремень-трава

ПАЛЪМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЪСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С77

Стасевич, Виктор Ч.

С77 Травник : Кремень-трава / Виктор Ч. Стасевич. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2024. — 661 с. — (Серия «Пальмира — фантастика»).

ISBN 978-5-517-10931-6

Травник Вей родился и рос в пограничной крепости Хелм, пока однажды к ее стенам не пришла беда: неисчислимые орды дахров подступили к ней. Хелм был обречен, и тогда, отчаявшись, его защитники выпили отвар Кремень-травы: воинов, выпивших его, до рассвета не поразит ни одна стрела, ни один меч, однако с восходом солнца тела их превратятся в камень, а души будут каждую ночь возвращаться к каменным идолам в поисках Покоя. Защитники крепости победили дахров, но с тех пор Вей, чей отец был одним из воинов, обречен вечно странствовать: он должен найти Печаль-траву, окропить окаменевшие тела своих предков собранной с нее Память-росой, чтобы освободить заточенные в идолах души...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Стасевич В. Ч., 2024

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии»,

ООО Группа компаний «РИПОЛ классик», 2024

ISBN 978-5-517-10931-6

Благословенны в веках летописцы, хоть имена многих забыты, а сами они ушли в прошлое, но всё написанное ими заставляет помнить и думать о них, а также об оставленных словах. Они не воздвигали себе каменных памятников, не строили железных изваяний, из наследников оставляли лишь учеников, которые не произносили их имён, а пользовались только умением плести нескончаемую вязь слов на дереве, камне, пергаменте, папирусе. Их книги подобны детям, живущим в веках. Кисть с краской словно ребёнок, а ровная поверхность камня или пергамента как спящая жена на ложе. Летописцы ушли, и прах их рассеялся по бескрайним просторам вселенной, покинули этот свет вожди, враги и близкие друзья, не осталось никого, но то, что написано, несёт свою силу и неисчерпаемую магию слова...

*«Восхваления авторов», древний пергамент
из утраченной библиотеки светлого Салима Рашид ад-Дина,
достойного сына Аш Руди, личного врачевателя
и советника самого могущественного ильхана
процветающей страны ангелов, да поможет Господь
в их странствиях среди бесконечных звёзд*

О мать сумерек! Повелительница ночных теней! Дай мне войти в дом с окнами, смотрящими внутрь, войти в дом моей души, позволь ощутить сущность пройденного и посмотреть сквозь невидимые препоны...

Воззвание монахов ордена Сплетающих Время

ТРАВНИК

Кремень-трава

1. ВЕЙ

Родилась на сырых туманных болотах Печаль Омутная. Ходит она по кочкам, скользит облаком по елани, и не сразу поймёшь: то ли дева это, то ли облако. Платье у неё серебристое, жемчужной росой усыпано, солнечным лучом прошито. На шее бусы из тёмного горюн-камня, веского да гнетущего, словно грехи вселенские. Камень тот на волос человеческий низан, а волос седой, горем беленый. Ходит Печаль неслышно, ни травы не примнёт, ни воды не всколыхнёт, лишь лёгкий ночной шёпот от шагов стелется сизым туманом. Встретишь её в тех местах — сразу уснёшь. И сон будет тяжёл, как валуны с таёжных гольцов. Уснёт человек среди кочек и будет спать до утра. Печаль одному волос побелит инеем осенним, другому горюн-камень в сердце обронит, третьему платок из тумана на лицо положит. И будет петь песни до самых первых петухов. Лягут те песни на лицо человека морщинами преждевременными, и носить ему их как печать на царском указе. А там, где ступает эта дева-облако, вырастает травка, листом скромная и цветком невзрачная. Травкой той можно память вернуть, а можно и человека сгубить.

*«Свод Великих легенд Бессмертных»,
рукопись, найденная на дне священного колодца*

* * *

Сильный порывистый степной ветер замедлял движение, а поднятая пыль с пересохших солёных озёр оставляла во рту горечь с терпкой полынью. С каждым порывом глаза забивало песком с солью, и болезненный скрип на зубах рождал во всём

теле беспокойство, тревогу, страх. Скоро ночь, а мы всё ещё несёмся по бескрайней равнине, словно три загнанные птицы в поисках пути к своему спасению. От усталости уже непонятно куда скачут наши кони. Нахлынувшее оупение оставляет лишь один вопрос, что мы делаем здесь, в приграничной области Гинигаргии, где издавна в переломные ночи года собираются ненасытные навьи, да бродят мелкие шайки неприкаянных изгоев да бродяг.

Неожиданно Вей резко повернул на восток, пришпорил своего вороного, и его фигура стала быстро растворяться в надвигающихся сумерках. Через мгновение лишь неясное очертание всадника можно было разглядеть на фоне степи, слившейся с серым небом, затянутым слоем сплошных облаков. Нам с Норохтой пришлось следовать за ним, подгоняя уставших лошадей. Особенно тяжело приходилось каурой Норохты. Старушка к такой скачке не привыкла, уже тяжело дышала, начала спотыкаться. Сам хозяин лошади, простой плотник из одного из многочисленных сёл Долины, также с трудом переносил долгую дорогу. Он еле держался в седле и проклинал тот час, когда согласился поехать вместе с травником Веем. Восторг от предстоящих приключений и гордость, что его пригласил самый известный знахарь в подлунном мире, стёрлись под стук копыт его лошадей, а бесконечная пыль настолько вымотала, что он уже не мог понять, куда его ведут. Ближе к полуночи, после изнурительной скачки, словно в пустом пространстве магической пелены, повисшей в безмерных пределах Вселенной, мы подъехали к подножию большого холма. Неожиданно небо прояснилось, и на фоне его чернильно-звёздного листа мы увидели характерный контур сопки с зубчатыми останцами.

— Это же Хелм! — испуганный возглас застрял в пересохшем горле Норохты. Про эту сопку ходят всякие легенды, одна другой страшнее, но точно известно, что тут за руинами старой крепости, среди каменных идолов и останцев, всегда бродят души умерших. Иногда это место называли родовым холмом призраков и рассказывали небылицы о спрятанных сокровищах, беспокойных душах, порочных девицах и кровожадных убийц младенцев.

— Да, Хелм, — глухо, будто завязнув в пыли, прозвучал голос Вея, — мы на вершине остановимся.

— Где?! Ведь это кладбище?! Спать среди привидений! Не-ет, я не буду... — Норохта попытался повернуть свою лошаdёнку, но та лишь склонила голову, но сама не двигалась. Плотник готов был расплакаться и, поскуливая, начал причитать, но Вей его оборвал:

— Можешь оставаться. Сегодня как раз семнадцатый день после Медвежьего праздника, скоро переломная ночь с кровавой луной. Навьи уж точно рыщут в округе в поисках такого жирного бычка, как ты. Эти проклятые нежити будут всю ночь бродить по степи, оскверняя своим дыханием живых, терзая и мучая заблудших. А на Хелме бродят духи наших предков, наших пращуров, поэтому ни одна клыкастая тварь не рискнет подняться, так что выбирай, — не дожидаясь ответа, травник развернул коня и тот зарысился вверх по склону. При одном упоминании о навиях Норохта как-то выпрямился и резво заколотил пятками по бокам лошади. Она, видимо, почувствовала его уверенность, замешанную на страхе, бодро засеменила, натужно вытянув шею. Мне тоже не хотелось заглядывать в глаза землистых тварей тьмы и сумерек. Я поспешил за ними по крутому склону, подгоняя своего коня. Когда мы поднялись на вершину холма, то вошла луна и залила светом всё вокруг. Многочисленные идолы древних были погружены в землю и стояли словно воины. Когда я подошёл к одному из них поближе, то увидел высеченное в камне бородатое лицо с резко очерченными губами. На груди проступала рука сжимающая меч. Среди идолов мы обнаружили приземистую землянку с плоской крышей. Рядом с маленькой, грубо сколоченной дверью, лежали дрова. За землянкой увидели вытоптанную площадку, посредине которой располагались брёвна вековых сосен сложенных пятиугольником. В центре находилось кострище, окружённое широкими ноздреватыми мшистыми камнями. Холм был вытянутым и чуть в стороне за землянкой чернели руины старой крепости, над которой возвышались останки одной из стен. Когда-то тут располагался пограничный городок Хелм. Вокруг основных стен были разбросаны небольшие дома, а на плоской

вытянутой вершине стояла крепость с четырьмя башнями по углам и двумя большими воротами. Теперь можно было найти лишь камни среди травы, некоторые из них были покрыты сажей, знак прошлого сражения.

Мы расседлали лошадей, дали им овса, привязали к брёвнам. Я предложил их стреножить, но Вей устало покачал головой и попросил, чтобы я занялся костром. Норохте пришлось ставить котёл. Травник молча бросил мне поводья и пошёл к каменным изваяниям. Пока мы с Норохтой занимались хозяйственными делами, Вей обошёл всех идолов, и нам показалось, что он с ними разговаривал. Вскоре в котле закипела вода, и Норохта быстро приготовил нехитрую, но сытную похлёбку. Мы сели на брёвна, поели, не проронив ни слова. А когда плотник налил нам по кружке чая, травник неожиданно стал рассказывать историю этого места. Звёздная колыбель неба над головой и неспешная речь Вея под треск дров в костре заворачивали, а мы погружались в череду событий прошлого.

— Раньше здесь стояла пограничная крепость Хелм. За её стенами я родился, тут прошло моё короткое детство, счастливое и, как мне сейчас кажется, призрачное, словно тополиный пух в лучах утреннего света. Я был лёгок на ногу, за что меня прозвали Веем, тёплым весенним ветерком. Мой отец, известный кузнец Семак, делал оружие, кольчуги, не чурался и мирской работы: мог справить лемех, подкову, навес. Кузница отца, где никогда не угасал огонь, была сердцем нашего поселения. Рядом с ней на небольшой площади собирались старейшины обсудить текущие дела, в праздники девки с парнями водили хороводы, на весенний круговорот, сжигали чучело зимы, чтобы лето быстрее приходило. Оружие, изготовленное отцом, высоко ценилось, было известно не только в окрестных деревнях и городах, но далеко за пределами Гинигаргии. Считалось, что его руку направляет сам Кунграт, беспощадный дух Огня. Не знаю, правда это или нет, но клинки, сделанные им, были подобны легендарным жалам древних богов. В любой битве такой меч не подведёт, не сломается, не затупится. Также ходили слухи, что отец ковал их из небесного железа. Я помню, как старики рассказывали, что в один несчастный год большой